Из храма искусства уходит дух романтики

В наше время сомнений, разочарований и тревог, когда люди, отбросив высокие материи, кажется, всецело поглощены заботами о хлебе насущном, — до театра ли! И вообще, стоит ли лезть из кожи, штурмуя какие-то сценические олимпы, если сама жизнь постоянно дает молчаливое «добро» компромиссам, подталкивает повсеместно к упрощенным решениям и оценкам!

Театр, сцена неотделимы от жизни общества, и все политические, экономические, идеологические катаклизмы, происходящие в обществе, немедленно сказываются на их состоянии.

Сегодня, как никогда, остро стоит вопрос о месте творческой интеллигенции в тех событиях, свидетелями которых мы все являемся, в тех политических баталиях, которые не стихают, меняя лишь внешнюю форму.

Именно сейчас каждый истинный интеллигент должен спросить себя: кто ты? Приспособленец, беспринципный искатель удобного места в жизни или все-таки человек гуманистических принципов?

Зубоскалить по поводу происходящего вокруг значительно легче. Ах, как просто иные мастера — «любимцы публики» и всех власть предержащих — адаптируются к сиюминутной ситуации, постоянно ухитряясь оставаться на гребне «одобрямс», как это уже бывало в нашей истории. Как часто, захлебываясь праведным гневом, иные порицают сегодня то, чему только вчера пели сладкозвучные дифирамбы и гимны!

Если говорить серьезно о том, что сейчас в наибольшей степени угрожает театру, из-за чего он может вообще перестать существовать, то это произошедшая смена жизненных критериев у определенной части творческой интеллигенции. Выясняется удивительное, неожиданное следствие экономических реформ: психология человека в очень большой степени настраивается на камертон снегоочистителя, гребущего все на себя. Рядовой артист, не «звезда», не коммерсант остается нищим, но проявляет желание захвата, зависть, злобствует. До высоких ли ему материй? До сцены ли ему?

Сегодня махровым цветом расцветают вседозволенность, беспредел, продажа душ. И это в святой и чистой профессии актера! Конечно, есть люди, и их немало, которые останутся верны театру, что называется, «до последнего патрона». Но проблема совести, приличия все больше расстается с театром. И наше нынешнее бытие способствует этому. Если так пойдет дальше, кто-то, безусловно, обогатится, и безмерно, но большинство как были, так и останутся нищими, ибо изначально в актеры идут не ради денег.

Недавно я обратился к видному деятелю театра и кино с просьбой повстречаться с моим коллективом. «С удовольствием, — ответил тот. — Но стоить это будет...». Я рассказал об этом своим коллегам. Видели бы вы их реакцию... Нет, не виню я того мастера, который назвал мне астрономическую сумму гонорара. Он не виноват. На сценах ДК и филармонии билеты на «первачей» стоят 15—20—40 тысяч рублей. И это стало нормой. Пресловутое расслоение коснулось и искусства. Вот в чем беда.

О судьбе театра, его будущем не думает, по существу, никто. На самых верхних ступеньках власти так и не сумели понять, что только духовные, нравственные люди смогут хоть когда-нибудь переломить экономический спад, вывести страну из кризиса.

Сейчас на театральные коллективы распространяется унифицированная 18-разрядная тарифная сетка. Кто ее составлял и о чем думал? Главный администратор театра, как правило, человек случайный, имеет 13-й разряд, молодой же специалист — только 8—9—10-й. Художественному руководителю академического театра назначается 18-й разряд, но совсем не потому, что это мастер, незаменимый специалист, а просто в соответствии с занимаемой им должностью. И молодой, неопытный режиссер, занявший эту должность, получит тот же 18-й разряд!

Потеряна проблема самоценности личности в искусстве, где все индивидуально, где не может быть огульной уравниловки. Цинично, например, ставить Игоря Владимирова в один ряд с руководителем областного тюза по тарифному разряду только потому, что этот тюз и ведущий театр в Министерстве труда формально значатся театрами одной категории.

Иные, даже крупные мастера театра в ущерб основному делу, забывая о своем главном предназначении, ринулись в пучину коммерции: покупают... продают... меняют... Один небезызвестный маэстро пригласил на постановку стороннего режиссера и, конечно, в своих коммерческих вояжах так замотался, что об этом и позабыл вовсе. И тут, как на грех, приехал приглашенный. К художественному руководителю приходит сотрудник и говорит: «Мол, так и так. Приехал режиссер, который будет ставить у нас «Дон Карлоса».— «Какой еще режиссер?» — «Но вы же сами его пригласили!..»— «Не помню!» — «Да он тут за дверью стоит...» — «Ах, да! Пусть войдет».

Комментарии, как говорится, излишни.

Из храма искусства уходит дух романтики. А что взамен? Прагматизм? А между всем этим и рольку поучить, и притвориться в сердечности порывов...

Не менее тревожна ситуация с производственными цехами. Сегодня мы рискуем оказаться в ситуации, когда некому будет открыть занавес, изготовить и установить декорации. Ведь монтировщик, машинист сцены — это профессии, а не просто способность переносить тяжести. Высококвалифицированная швея, шьющая сложнейшие платья королев, золушек, макбетов, получает много меньше, чем портниха массового пошива. Сохраним ли мы этих мастеров?

Печально, но факт: законные шесть процентов на культуру из местных бюджетов для большинства областей по-прежнему несбыточная мечта. В этом отношении, кстати сказать, наша Самарская область пока одна из наиболее благополучных. Но даже эти шесть процентов меркнут, если вспомнить, например, что кубометр древесины стоит 350 тысяч рублей, а для одного спектакля может потребоваться 10—12 кубометров.

При существующем положении дел театры становятся все более нечувствительными к своему зрителю, и это очень недобрый признак. Сборы от продажи билетов покрывают лишь незначительную — не более 20—25 процентов — часть средств, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности коллектива.

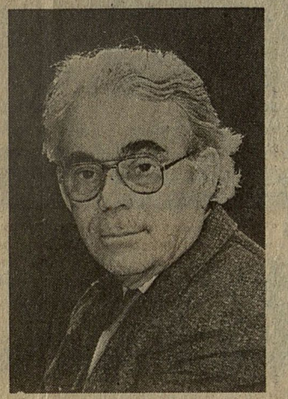
В этих условиях безнравственно повышать цены на билеты — практически это ничего не дает. Мотивы, что, мол, «сникерс» стоит дороже, вряд ли можно принимать в расчет. Ведь в конце концов самое главное — не потерять своего зрителя.

Года два назад у нас было много спонсоров-предприятий. Сейчас даже язык не поворачивается обращаться к ним за помощью — им и самим приходится нелегко. Нас выручают управление культуры, АвтоВАЗбанк. Средневолжский коммерческий банк и даже городская администрация, хотя мы находимся в ведении губернских властей. Если бы они все вместе не помогали театру, его пришлось бы закрыть. Я не преувеличиваю. Просто, говоря по-русски, закрыть.

Еще один больной вопрос — репертуар.

Нам сейчас очень не хватает большого дыхания литературы. Но, с другой стороны, и сама литература существует сегодня значительно сложнее. Подумайте, пятнадцать лет назад мы буквально стонали: драматурги ничего не пишут! А это было время, когда активно работали Арбузов, Розов, Шатров, Рощин, Дворецкий, был театр Вампилова. Потом прокатилась знаменитая «новая волна» молодых драматургов. Что от нее осталось сегодня? Сплошная мель. Кто-то покинул страну, кто-то, может быть, продолжает писать, молодежь рванулась в авангард, но театру от этого не легче. Мы стонали от отсутствия современных пьес раньше, что же говорить сегодня? А ведь без драматурга театр просто не может жить.

Мы помним времена, когда театр был прежде всего трибуной, университетом. Ныне



понятия идейности, гражданственности, школы жизни применительно к театру уже не только не в фаворе, а сознательно вытесняются. Ради чего? Ведь театр — это отражение жизни. И люди, не до конца, может быть, понимая это и желая у нас просто развлечься, уйти от бесконечных скандалов и митингов, подспудно все же надеются получить ответы на жизненно важные вопросы. Даже, если мы ставим забавную оперу-шутку, на которой публика с удовольствием смеется и слушает музыку. А что говорить об Островском, который просто не умел писать пьесы с частными, ничего не значащими сюжетами и всегда решал какие-то важные проблемы?

Театр должен ориентироваться на человеческие, социальные проблемы. Я бы даже сказал так: он не может не быть человеческим. А человеку всегда хочется участвовать в жизни общества.

Несмотря на то, что последние годы не принесли всем нам ни политической стабильности, ни экономического благополучия, театр продолжает жить, бороться за свое существование. Много лет назад кинорежиссер Михаил Ромм предсказывал (я помню это его выступление в Кремле) неминуемый скорый развал драматического театра. Наверное, он имел основания делать такие прогнозы: театральные процессы развиваются достаточно медленно, они не всегда лежат на поверхности, и их не так легко обнаружить.

Сегодня можно сказать: М. Ромм был и прав, и не прав в одинаковой степени. Тотального развала театра пока нет, но и утверждать, что он очень преуспевает, было бы большим преувеличением. Мы переживаем далеко не лучшие времена, и Ромм окажется абсолютно правым, если кривое зеркало жизни сломает то, на чем держалось всегда наше театральное искусство.

Наивно рассчитывать, что, проснувшись однажды утром, мы все обнаружим, что театр уже процветает. Для этого нужно положить много сил, а может быть, и жизней.

Ни в нашей жизни, ни в театре ничего не произойдет само собою.

П. МОНАСТЫРСКИЙ,
художественный руководитель Самарского академического театра драмы имени М. Горького, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР.